

Патина памяти

Интервью с К.О. Саркисовым

24 октября 2017 г. исполнилось 75 лет российскому японоведу, автору и организатору крупных исследований по Японии Константину Оганесовичу Саркисову. С середины 60-х годов он работал в Институте востоковедения АН СССР, вместе с коллегами создал Ассоциацию японоведов и был её первым председателем. В качестве представителя ИВ АН СССР с 1979 по 1983 гг. работал в советском посольстве в Токио. Позднее долгие годы преподавал курс международных отношений в японских вузах. Его жизненный путь, насыщенный интересными событиями, открывается читателям нашего журнала. Мы попросили его коллег из Центра японских исследований ИВ РАН – руководителя центра Е.Л. Катасонову и с.н.с. Ю.Д. Денисова передать юбиляру наши поздравления и взять у него интервью.

Публикуем запись беседы с К.О. Саркисовым, а также предоставленные им редкие фотоматериалы.

– С каким настроением Вы встречаете свой юбилей? Дата солидная – некий порог, который не все переступают, особенно в нынешние времена.

– К нему я отношусь, вернее, пытаюсь относиться, философски. Юбилей, как правило, торжественные, радостные, шумные с выстрелами пробок шампанского. Мой – скорее, тихий немножко грустный. Но не печальный. Я стараюсь настроить себя на японское *саби* – эстетику светлой печали увядания. Патина (но не паутина!). Как на старых монетах. Она придаёт ощущение подлинности и непонятого очарования. Патина (в этом случае она уже больше смахивает на паутину) появляется и в голове – желтеют страницы памяти, и пока они не опали, нужно успеть прочесть, что на них ещё можно разглядеть.

Другой образ. 75 лет – три «четвертушки» большого «каравая», который зовётся жизнью. За исключением самого начала, она целиком была посвящена Японии. Пока время не начало поедать последнюю «четвертушку», хочется вспомнить о прошлом.

– Почему жизненным выбором стала Япония?

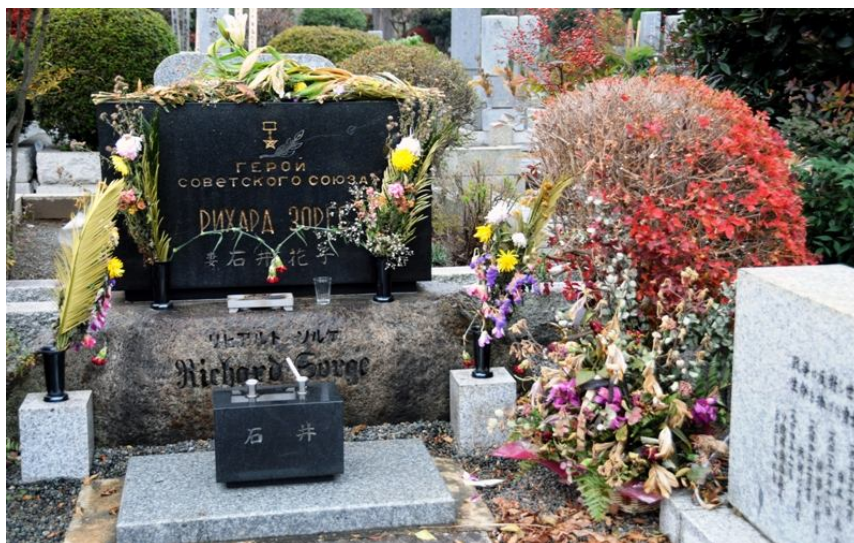
– Я родился в Ереване в 1942 г. Память сохранила образ тёмного неба, освещенного блуждающими по небу прожекторами. Но детство и отрочество, средняя школа – всё это в Баку. В атмосфере советского, но восточного города, в самом воздухе и орнаменте домов, в лицах и многоголосье уличного шума, присутствовал скорее Ближний, а не Дальний Восток. Рождение в этом городе Зорге, прославленного разведчика в японской столице, тоже не

могло повлиять. В ту пору о его существовании никто не догадывался. Причудливый барельеф «доктора Зорге» с глазами то ли волка, то ли орла, появился в столице Азербайджана только в 1981 г. Этот «шедевр» лауреата Ленинской и Сталинской премий Цигаля по какой-то причине сохранился после советской власти.

Памятник Зорге в Баку

Теперь я имею косвенное отношение к Зорге – живу в городе Коганэи, в 25 км от Токио в районе Тама, где на кладбище находится могила Героя Советского Союза. От меня до неё – 20 мин езды на велосипеде. Более 35 лет назад во время моей работы в советском посольстве здесь принимали в пионеры мою дочь. А сейчас, если удаётся, 7 ноября в день казни советского разведчика, когда деревья раскрашиваются в желто-красный цвет и кладбище становится особенно красивым, вместе с японскими учеными-энтузиастами я посещаю эту могилу.

В 31 км от географического центра Токио – моста Нихонбаси – могила Зорге и его японской жены Исии Ханако на кладбище «Тама-рэйэн»

Наиболее популярными из экзотичных тогда языков были суахили и японский. Это странное, особенно сейчас, сочетание отражало политические реалии тех лет: Африка, пробуждающаяся после колониализма, и Япония, поднимавшаяся с колен после жестокого поражения войне.

– **Что было самым трудным в освоении японского языка?**

– Конечно же, иероглифика. Казалось, что запомнить иероглифы невозможно. Со временем чувство отчаяния (я должен был догнать сокурсников) исчезло. Во-первых, я понял, что есть логика в каждом написании: ключи и фонетики. Есть и эстетика самого иероглифического написания. Я несколько лет назад попал на выставку картин, где иероглифы были расписаны вольной рукой и фантазией художника.

Иероглифы «бун-кику» и «хо-минэ»

Мне очень помогли преподаватели японской кафедры. Со мной дополнительно и, конечно, безвозмездно занималась заведующая кафедрой – Евгения Михайловна Пинус. Обаятельный, в высшей степени интеллигентный человек, с лицом, как ни странно, героинь японских гравюр. Она свою жизнь посвятила переводу Кодзики – древнейшего памятника японской культуры. Такими же в высшей степени интеллигентными и доброжелательными были остальные преподаватели кафедры. Мне особенно запомнился Андрей Андреевич Бабинцев. Он читал грамматику японского, трепетно перелистывая страницы своей тонкой тетрадки, листы которой были в большей части оторваны.

– **Чем запомнились годы учебы?**

– Пять лет погружения в пласты японоведения и прежде всего языка. Нас было четверо на курсе в японской группе, потом осталось двое – я и мой близкий друг Боря Пищик. В Японии в 70-е годы он был корреспондентом «Нового времени». Лекции профессоров перемежались с весёлой и безалаберной студенческой жизнью на скудную стипендию и деньги, которые присылала моя мама из своей не менее скудной пенсии, и питание на полтора рубля в день в университетской «Академичке», и разбросанных по городу «Сосисочных», где крохотный салатик «Оливье» с толстой сарделькой были доступны и казались пиршеством.

Сейчас я понимаю, каким великим было счастье учиться в Питере. Из окна факультетской библиотеки через Неву – «Медный всадник» и купол Адмиралтейства. Нас учил и воспитывал сам город, его красота, величие и гармония форм. Помню первые пробы на

поприще переводчика с японскими туристами и делегациями, практику в «Интуристе». Мы все, переводчики с разными языками, сидели в одной общей комнате, и как-то меня позвали к общему телефону, чтобы я переговорил с японцем. Все, затаив дыхание, ждали как прозвучит это редкий для слуха язык. Помню грохот смеха, когда я произнёс «моси-моси».

Была практика на Камчатке на судах советской рыбоохраны по контролю за ловлей японцами лососевых в «конвенционных водах». По несколько суток невыносимая килевая качка, о которой ещё писал Гончаров во «Фрегате Паллада». Отвращение к красной икре, которую можно кушать ложками. Несколько дней отдыха в Петропавловске-Камчатском среди сопок и убогих домов, и снова выход в море – острова Беринга и Медный. Температура воды в разгар лета – около 4 градусов – если упадёшь и не утонешь, то замерзнешь. Как нечто невероятное для себя теперь, вспоминаю свои отважные прыжки на волне с борта одного СРТ [средний рыболовный траулер] на другой.

Однажды инспектора и меня взяли на борт военного эсминца, который мы, ни капельки не смущаясь, выдавали перепуганным до смерти японским рыбакам за судно рыбоохраны. Жили мы вместе с офицерами корабля, питались вместе с ними в кают-компании. Там стоял рояль, и некоторые из офицеров музицировали. Меня это поражало, и на ум приходила мысль, что традиции русского флота были настолько сильны, что умудрились сохраниться и в советское время.

– После столь интересной практической работы, тем не менее, потянуло в науку, в аспирантуру Института востоковедения Академии наук?

– Переезд из Ленинграда в Москву был своеобразным прыжком с одного борта на другой. Но здесь не было большого риска. Я вспоминаю Игоря Александровича Латышева. В ту пору энергичный, прогрессивный и активный, он приехал в Питер в поисках аспирантов. Выбор темы моей диссертации принадлежал ему. Он как-то пришёл после встречи с директором Института – академиком Бободжаняном Гафуровичем Гафуровым. Это была по-своему легендарная личность. Продукт эпохи, номенклатурный учёный, он был мягким, мудрым человеком и даже прогрессивным. Ещё будучи первым секретарем Таджикистана, он установил хорошие отношения с Сусловым и был недостижимым для укусов со стороны партийных ортодоксов среднего калибра. Помню, как он защитил молодого доктора наук – ныне академика Нодара Симония – от одного из таких со Старой площади.

Моя кандидатская была о Японии и ООН. Латышев был чрезвычайно занятым человеком – секретарь парткома Института, командировки по линии «Правды» в Японии. Я пользовался тем, что был предоставлен сам себе. Тянул с окончанием работы. Закончился срок аспирантуры, меня приняли в штат Института на должность м.н.с. с зарплатой в 70 с чем-то рублей. Моя жена, с которой я прожил более 50 лет, никогда не роптала. Как выбор специальности, так и жены – главные удачи моей жизни.

Выручали переводы, устные и письменные. Потом дар Небес – поездка почти на год на Всемирную выставку Экспо-70. После токийской Всемирной Олимпиады 1964 г. это было второе по счёту самоутверждение страны, и уверенное движение к титулу «второй экономической державы».

Тогда начинался бум японской радиоэлектроники. Сколько потребительского счастья и материального благополучия дарили радиоприемники, магнитолы, комбайны «Тосиба»,

«Хитати», «Сони», «Панасоник» и др. Теперь, когда их место заняли Самсунг, LG, китайские Lenovo и Huawei, утешаешься мыслью о технологической «пирамиде» – японцы просто ушли вверх, оставив нижние этажи своим соседям.

– **Что же стало с диссертацией?**

– Я защитил её в 1974 г., а в следующем году вышла моя первая книга «Япония и ООН». Но прошло ещё немного времени. Гафуров умер, династийного наследника не было, и новым директором стал Евгений Максимович Примаков. Как чрезвычайно умный и в то же время деликатный человек, который, впрочем, при необходимости мог быть и жёстким, он не трогал первое время традиции прежних времён. Более того, при нём, при его огромной энергии и пробивной силе, наконец, увидел свет Большой русско-китайский словарь. Но сохраняя фундаментальные проблемы востоковедения, он их начал разворачивать в сторону современности и актуальности.

– **Одним из его начинаний было учреждение в советских посольствах за рубежом постов представителей Института востоковедения?**

– По постановлению ЦК КПСС, если мне не изменяет память, они должны были быть учреждены в семи странах. На Ближнем Востоке, в Индии. Я был первым, кого в 1979 г. послали в Японию. После меня были Юра Кунадзе и Андрей Кравцевич. В посольстве, где я работал в ранге первого секретаря, меня сразу нагрузили работой по культурным связям. Это было после предательства журналиста Стаса Левченко, как раз за месяц до моего приезда. Стаса я хорошо знал – он был в аспирантуре у Латышева.

– **Культура – это близко к науке, и Вам было, наверное, вполне комфортно?**

– Более чем. У меня было достаточно времени писать аналитические записки для Института, принимать командированных учёных, не только из ИВ АН, добывать бесплатно и частично за свои деньги литературу по экономике и политике Японии и посылать диппочтой в Институт. Одно из достижений – соглашение о безвалютном обмене с Университетом Кэйо. В старинном здании административного корпуса университета из красного кирпича в духе европейских замков Евгений Максимович Примаков и ректор университета Исикава Тадао, известный японский китаист, поставили свои подписи под этим документом.

Посольство, куда я попал, возглавлял Дмитрий Степанович Полянский, добрый и деликатный человек из высшей партийной номенклатуры добрежневского периода. Его любимым занятием были воспоминания о прошлом. Он охотно встречался со всеми, кого бы я к нему ни приводил. Его любимая история – как Хрущёв в своё время из-за того, что Полянский, якобы, выступал против разделения на сельские и промышленные обкомы партии, назвал его «турком рязанским». В посольстве ходил анекдот, как в небольшом садике рядом с резиденцией посла, его, нового человека, враждебно встретила обитавшая на одном из деревьев ворона. Она норовила сесть ему на голову и больно клюнуть. Нужно знать японских ворон – они чуть крупнее наших, с острым загнутым клювом и иссиня-чёрные. Посол интересовался у спецслужб, представленных в посольстве, не провокация ли это японской полиции. Его успокоили, как могли, мол, у ворон сильно чувство собственной территории, которую они защищают от чужаков.

Работа в посольстве заканчивалась осенью 1983 г. В моей командировке мне «повезло»: я приехал после скандала с бегством Левченко, а уезжал после инцидента с южнокорейским

самолетом, в котором погибло около 40 японцев. Атмосфера вокруг посольства была тяжёлой. Именно в это время в Токио на Всемирную конференцию востоковедов приехала наша делегация во главе с Георгием Фёдоровичем Кимом.

Японское востоковедение неофициально «опекал» младший брат императора принц Микаса (Такахито). Четвёртый сын императора Тайсё был не только самым младшим, но его отделяли от старшего брата, императора Хирохито, целые 15 лет. Принц Микаса скончался в 2016 г. в возрасте 101 года. От своих братьев он отличался демократичностью и свободой взглядов – в предвоенные годы выступал с резкими замечаниями в адрес военных, их жестокостей в Китае. После войны вёл себя как простолюдин – ездил в городском транспорте, дружил с неименитыми людьми. Один из них – мой старый друг и коллега, профессор университета Окаяма видный японский русист Ясуда Коити. Они учились вместе, в послевоенном Токио ходили по «идзакая» – японским закусочным. По просьбе Ясуда принц принимал советских востоковедов – Георгия Кима и ещё несколько человек. В посольстве по этому случаю мне выделили гостевой «Мерседес», на котором не без труда и волнений я привёз делегацию в резиденцию принца в районе Аояма.

Я сохранил эту уникальную связь с принцем. Его гостем был и Примаков, в более поздние годы – Ростислав Борисович Рыбаков. В ответ на подарок принца – японские книги по востоковедению, наш Институт преподнес ему коллекцию книг своих учёных с авторскими подписями.

С принцем Микаса во время передачи списка книг

– Как после Японии Вас встретили Ваши коллеги в Москве?

– Я вернулся в Институт востоковедения АН, но не в Отдел Японии, а в подразделение, которое занималось международными отношениями. Примаков хотел, чтобы я расширил

кругозор и ушёл от чисто японской тематики. Это был полезный опыт – взгляд на Японию как часть региона и глобального мира. Но скоро ушёл сам Примаков (в ИМЭМО), Латышев уехал в очередной раз в Японию, и Георгий Фёдорович Ким, одна из светлых личностей на моём жизненном пути, перевёл меня в Отдел Японии.

Отношения с Примаковым сохранились. Как-то Примаков в кабинете у врио директора ИВ АН Георгия Федоровича Кима пригласил меня на беседу. Он предлагал перейти в ИМЭМО. Я согласился и даже уже прошёл партком этого института. Его возглавлял Сережа Благоволин, известный и как специалист по военно-стратегическим вопросам, и как один из мужей Виктории Фёдоровой, дочери американского адмирала Тейта и советской актрисы Зои Фёдоровой.

В последний момент я передумал и не пошёл в ИМЭМО. Туда пришёл после возвращения из Японии Юра Кунадзе. Примаков простил мое «вероломство», и я сохранил с ним близкие отношения. Несколько раз я сопровождал его в поездках в Японию, а в нулевые годы, когда я уехал в Японию на многие годы, сопровождал его в поездках по стране уже в качестве председателя Торгово-Промышленной Палаты. Несмотря на новую должность, не имевшую отношения к политике, его всегда принимали на высшем уровне.

С японским премьер-министром Коидзуми

С Евгением Максимовичем мы побывали в Кагосиме, в храме моего близкого знакомого Икэгути Экан, Великого Мастера эзотерического буддизма школы *Сингон Миккё*.

Пламя горящих «священных дощечек» в буддийском храме

Неподалеку от Кагосимы в курортном местечке Ибусуки, известном своими «песочными ваннами» (вас «закапывают» в горячем песке с лечебными свойствами), мне «по секрету» показали альбом с фото Ельцина, его жены и дочери во время частного визита уже давно в отставке российского президента.

Японский онсэн. Экс-президент и его жена в юката, японки в кимоно

По своему опыту негласных контактов в решении ближневосточного кризиса, Примаков пытался найти влиятельных людей в Японии, с которыми можно было без «слива» в прессу обсуждать территориальную проблему – найти компромиссное решение, приемлемое для обеих сторон. Но каждый раз его ждало разочарование. «С твоими японцами нельзя говорить откровенно», – выговаривал он мне.

У Евгения Максимовича была невероятная аура, энергетика экстрасенса. Как-то в кабинете на 7-м этаже белого одиннадцатизэтажного здания советского посольства в токийском районе Адзабу в нескольких сотнях метров от Токийской телевизионной вышки его принимал посол Петр Абрахимов. Встретивший вначале сухо, по-чиновничьи, он потом чуть ли не обнимал Примакова и крепко жал ему руку у самого порога своего кабинета. По ходатайству профессора Симотомаи (Университет Хосэй), партнёр ИВ РАН присудил ему звание почётного доктора наук.

Вручение диплома. Посол России
в Японии Панов переводит текст документа

Аура помогала наладить контакт и с идейными, и с политическими противниками. Были тесными отношения с одним из японских *куромаку* (влиятельный человек, держащийся в тени) японской политики – Суэцугу Итиро. Они возникли ещё в период, когда Примаков был заместителем у Иноземцева, начинавшего по заданию ЦК советско-японский диалог по «второй дорожке».

Выпускник знаменитой школы военной разведки («Накано гакко») Суэцугу как-то подарил мне тонкую тетрадку зарисовок в Москве, в том числе детально выписанных стен

Московского Кремля. В школе тренировали их зрение, которое заменяло фотоаппарат. Не раз доводилось переводить беседы один на один Примакова и Суэцугу по островам. Суэцугу говорил то спокойно, то взрывался, но «Максими́ч» оставался невозмутимым и всё заканчивалось мирно. Бывший военный разведчик был откровенным, деловым и верным своему слову. Кстати, Суэцугу опекал и приехавшего как-то в Японию Геннадия Зюганова и через друзей организовал и финансировал издание в Японии книги лидера российских коммунистов. По ходатайству Примакова Суэцугу – одного из организаторов движения в Японии «За возвращение Северных Территорий» – наградили орденом Дружбы Народов. В этом был Примаков: дать понять японцам – проблему нельзя решать с позиций врагов, бывших или настоящих, её решать можно только с позиции «дружбы», нынешней и будущей.

Награду Суэцугу вручали в российском посольстве в знаменитом зале на втором этаже с хрустальными люстрами и огромным серебристым панно филигранной чеканки с изображением Москвы работы Зураба Церетели. Суэцугу благодарил, но потом говорил окружающим, что предпочел бы получить вместо ордена «острова». В один из приездов в Японию, узнав от меня о смерти Суэцугу, Примаков в первый же день утром поехал на кладбище. В присутствии вдовы он принял участие в ритуале омовения могильного камня на кладбище в районе университета Васэда.

Омовение родниковой водой могильной плиты

– Что было с Институтом востоковедения после ухода Примакова?

– Георгия Кима, как говорили, из-за его национальной принадлежности так и не поставили во главе Института, как, впрочем, до этого не сделали академиком. Кадровые вопросы решались не в Академии, а в ЦК. Но его национальность пригодилась в другом. В 1989 г. с Кимом и с его замом по международным делам Колей Васильевым мы должны были из Токио инкогнито лететь в Сеул на встречу с президентом Южной Кореи Ро Дэ У. Решение принималось на самом верху. На Старой площади в маленьком кабинете Георгия Шахназарова, заместителя заведующего Международным отделом, мы втроём проходили

собеседование. При нас Шахназаров по «вертушке» звонил Владимиру Крючкову по соседству на площадь Дзержинского. Говорил на «ты» – когда-то они работали вместе в команде у Андропова. Крючков поддержал идею установления отношений с Сеулом вопреки старой концепции «перекрестного признания» Вашингтоном и Токио – Пхеньяна, Москвой и Пекином – Сеула.

На глазах реализовывалась горбачевская дипломатия «нового политического мышления». Но отношения с Северной Кореей пока не менялись, и наш визит был засекречен. В Токио втроём мы жили в Международном Доме Японии на Роппонги, ставшем для японоведов нашего Института и для многих других «отчим домом» с его маленьким, но роскошным в японском стиле садиком и неизменной в разных видах яичницей на завтрак в столовой.

Всё шло идеально, но внезапно занемог Ким. С помощью наших старых и верных друзей из японской компании «Искра» сделали обследование и обнаружили тяжёлое заболевание. Ему пришлось возвращаться. Но он уговорил нас с Колей продолжить путь в Сеул без него. Ставки были велики, и он не хотел, чтобы его болезнь стала помехой.

Как только было принято решение в Москве, мы перебрались в Отель Окура, и я сразу почувствовал негласную опеку сотрудников южнокорейского посольства – нечто незримое и обволакивающее в духе рассказа Жванецкого о личной встрече с Путиным в театре своего друга Александра Калягина.

Сеулу был важен этот визит и нас оберегали от возможных акций со стороны северокаорейской агентуры. Но мы этого не боялись. Может быть потому, что до этого у нас были хорошие отношения с местной северокаорейской диаспорой. В прежние годы вместе с Георгием Федоровичем несколько раз посещали Всеобщую Ассоциацию каорейцев в Японии «Тёсэн Сорэн» – массивное многоэтажное здание в самом центре японской столицы в двух шагах от университета Хосэй.

Накрытый изысками каорейской кухни стол в огромном зале под портретами во всю стену Ким Ир Сена и хозяин этого стола – председатель Ассоциации Хан Док Су. Только его охране на приёмах в советском посольстве позволялось иметь при себе огнестрельное оружие. Когда бываю в Токио, нахожу в почтовом ящике конверты со штампом Ассоциации с приглашением на мероприятия. Стараюсь не упускать возможность побывать в этой полуофициальной миссии КНДР в Японии. Её нынешний председатель – вполне разумный человек. В компании с общими знакомыми японцами с ним интересно беседовать.

На следующий год после неудачной попытки Ким всё же приехал в Сеул и там встречался с Ро Дэ У. Все это уже было при новом директоре Института Михаиле Степановиче Капице. Большого роста, с импозантной осанкой дипломата высокого ранга он был яркой фигурой. Ему не были чужды основные слабости настоящего мужчины. К тому же он слыл «вольнодумцем» – позволял себе в разговорах отходить от «линии партии». После его лекций и выступлений в обкомах в ЦК сыпались письма и доносы «ортодоксов». Он был антиподом своему непосредственному начальнику Громыко. Но тот его жаловал и покрывал – нечто из экзистенциальной психологии.

В Институте Капице было скучно, но с нами, японоведами, он дружил. С ним нередко мы ездили в Японию, где работали многие из его бывших подчинённых. Он не был

«закоренелым» в отношении самого главного вопроса в двусторонних отношениях – территориального.

Этот вопрос внезапно стал актуальным. Готовился визит Горбачева в Японию. С подачи моего доброго друга Васи Саплина меня включили в состав подготовительной группы в Международном отделе ЦК. В кресле почти бессменного главы этого почтенного заведения Бориса Пономарева теперь сидел Валентин Фалин. Но работу с нами вёл его заместитель Карен Брутенц. Аналогичная группа была создана в МИД, где главную скрипку играл мой друг Саша Панов, сделавший больше, чем кто-либо, чтобы найти компромисс, приемлемый с учётом реалий для обеих сторон. Не сговариваясь, в ЦК и МИД пришли к выводу, что единственным реальным вариантом является подход к проблеме с международно-правовой позиции. Исходной позицией должны служить договоры, под которыми стоят подписи стран и ратифицированные Верховным Советом СССР и японским парламентом: для Японии – Сан-Францисский мирный договор 1951 г. и Совместная советско-японская декларация 1956 г., для Советского Союза – Декларация 1956 г. По этому документу передача Японии двух островов после подписания мирного договора – обязанность для СССР. Нынешние попытки ослабить этот непреложный факт утверждениями, что ничего не сказано об условиях передачи – от лукавого. Раз не сказано, значит никаких принципиальных условий нет и не может быть. Точно так же японцы лукавят относительно своего отказа от Курильских островов, мол, «четыре» в них не входят, в то время, как Кунашир и Итуруп входят. Если бы они не входили, это должно было быть зафиксировано в тексте. Раз не сказано, значит отказ был от всех. Это закон договора. На эту тему можно было бы говорить ещё много. В 2015 г. вышла российско-японская коллективная монография «Российско-японские отношения в формате параллельной истории». Там об этом подробно написано.

– Как пытался решить этот вопрос Горбачёв? Вы ведь ездили с ним?

– Меня включили в состав делегации сопровождения – в ней были деятели науки, культуры, видные журналисты. В Токио принимающая сторона предоставила нам автомобили – один на двоих. Я попал в компанию Галины Волчек. Мне транспорт был не нужен, и она распоряжалась им одна.

Горбачёв не пошёл на признание обязательства вернуть «два острова». Его популярность и влияние на политическую ситуацию были мизерными. Но он признал существование проблемы японских претензий на «четыре острова», назвав их по именам, согласился, что решение этого вопроса является условием заключением мирного договора. В другой форме уже через год в 1993 г. в Токийской декларации то же самое сделал Ельцин.

Визит был в апреле 1991 г., а через несколько месяцев случился ГКЧП, который возглавил Янаев. Он, кстати, возглавлял и общую комиссию по подготовке визита Горбачёва в Японию. Я его помнил ещё по Комитету молодёжных организаций. Нормальный, взвешенный, простой без фанатерии, на заседаниях он больше молчал.

Через год, когда власть в стране поменялась, и президентом стал Ельцин, во второй половине апреля я снова ездил с Горбачёвым в Японию. На этот раз это был простой гражданин своей страны. Нас было всего десять человек. В команду входил и главный научный сотрудник нашего Института Алексей Кива, тогда и сейчас видный политолог. По

вечерам в многокомнатном номере Горбачевых в отеле «Тэйкоку» мы собирались на обсуждение прошедшего и предстоящего. Пили чай с виски. Ухаживала за нами Раиса Максимовна, в разговоры не вмешивалась. Она производила очень хорошее впечатление в резком контрасте с тем, о чем говорили в обществе.

Везде, где ни появлялся бывший советский президент, сбегались люди – популярность «Горби» была огромной. На этом фоне казался диким и по сути варварским «бойкот» его со стороны российского посольства. Из МИД России пришла «указилровка» с ним не встречаться и не принимать. В той же гостинице «Тэйкоку» в это время проходила презентация фильма «Сны о России» по роману Иноуэ Ясуси о скитаниях по России японцев, занесённых морским течением на Алеуты и вынужденных добираться до Петербурга, чтобы получить разрешение на возвращение домой. Из блистательного состава актеров, снимавшихся в этом кино – Юрий и Виталий Соломины (граф Безбородко и Шелехов), Евгений Евстигнеев (придворный садовник) – на презентации я видел Марину Влади (Екатерина II) и Олега Янковского (Кирилл Лаксман). Они узнали, что в гостинице остановился Горбачёв, и прислали депутацию с просьбой принять участие в банкете. Горбачёв согласился и только здесь какой-то дипломат из нашего посольства осмелился подойти к бывшему президенту.

Японское правительство и МИД, которых новая власть в Москве тоже просила не встречаться с Горбачевым, выполнило это требование лишь наполовину. Вице-премьер и министр иностранных дел Ватанабэ устроил обед в честь делегации, но премьер Миядзава Киити не присутствовал на встрече. Японцев можно было понять. Начало 1992 г. – только договорились о визите Ельцина в Токио. В январе этого года Ватанабэ Митио приезжал в Москву. Он должен был встретиться с президентом новой России, но в последний момент встреча была отменена. Токио нервничал – не знал, что ожидать от «непредсказуемого» политика.

– Новая постгорбачёвская эпоха. Создание Центра японских исследований – было ли это велением времени?

– Тогда всё менялось. Это сладкое слово «свобода»! Не было контроля со стороны «инстанций». Мы и руководство Института могли делать то, что считали нужным. Возникла идея создания Центра японских исследований на базе отдела. Меня сделали руководителем Центра аж на правах замдиректора. Зарплаты, славы и авторитета от этого не прибавилось. Но мы старались. Монография «Японский феномен» – один из примеров попытки заглянуть чуть-чуть в глубину, не скатываясь в апологетику.

В нынешнем году с помощью Ирины Лебедевой, моей боевой подруги все те годы, а также Димы Стрельцова и Саши Мещерякова должен выйти обновленный вариант. Сейчас стало, как кажется, легче с изданиями наших книг и вообще с работой Ассоциации японоведов – она получает щедрую помощь и финансирование со стороны Международного Фонда Шодиева. Главу Фонда Фаттах я помню по первой командировке в Японию по линии Института. Он работал в Торгпредстве. Уже тогда выделялся своим безукоризненным японским. У нас с ним было много общих друзей. Несмотря на рост до весьма крупной величины в международном бизнесе, Фаттах до сих пор сохраняет с ними самые тесные товарищеские отношения.

Финансовую помощь в «лихие 90-е» нам оказывала упоминавшаяся «Искра». С её помощью родилось регулярное издание брошюр «Японский опыт для российских реформ». С теплотой вспоминаю всех своих коллег того славного времени. С благодарностью думаю о Владимире Николаевиче Ерёмине. Он меня вдохновлял на многие хорошие дела. Мы с ним занимались созданием Ассоциации японоведов, которая теперь выросла, стала авторитетной и очень активной.

В 1996 г. я уехал в Японию на два года преподавать в университете Хосэй. Но я не вернулся и остался в Японии на 16 лет. Впрочем, и до сих пор я там провожу многие месяцы в году. После моего отъезда «на хозяйстве» остался Андрей Кравцевич, но вскоре и он уехал по тому же адресу.

– **«Рыба ищет где глубже...»?**

– Да, это так. В Центре, который я покинул, меня не осуждали, по крайней мере в глаза, – время было такое, но комментировать свой поступок как-то не хочется. Нечего сказать. В самые трудные годы Центр сохранялся благодаря мужественной «борьбе» женского коллектива за выживание: Эльгены Молодяковой, Седы Маркарьян, Ирины Лебедевой, Мае Герасимовой и Лене Катасоновой, которая теперь его возглавляет.

Лена предложила мне вернуться в лоно Отдела. Когда-то я ее принимал в Отдел, где она обрела свою нишу – историю японских военнопленных в лагерях после Второй мировой войны. Помню встречу с её японским партнёром – милым старичком, председателем Ассоциации бывших военнопленных. Но потом она стала заниматься культурой и писать большие хорошие книжки. Все защитились и стали докторами наук. Я так и остался кандидатом.

Была тоненькая прослойка мужчин, и один из них – мой старый товарищ и «просветитель» по новостям музыки, кино, книг и событий в мире – Юрий Денисов, авторитет в области научно-технического развития Японии. Он знает, почему японские «Сони» и «Панасоники» заменили «Самсунги» и «Леново».

– **Вы провели много лет в Японии. Помимо материального благополучия, принесли ли они Вам что-то полезное как японоведа?**

– Несомненно. Я читал лекции на японском языке в университете Хосэй, затем в таких престижных вузах как «Хитоцубаси» и «Кэйо». Потом я стал штатным профессором провинциального университета «Яманаси Гакуин». В последнем, перед уходом на пенсию, мне присвоили звание «почётного профессора». Это лестно – обычно «почётными» делают не всех и только при наличии 20 лет работы. Я там проработал всего половину этого срока.

Но это были насыщенные годы. Профессионально я подрос заметно. Лекции писал сам и на японском языке по обширной тематике «Япония и Азиатско-тихоокеанский регион». Это были отношения Японии с Китаем, Россией, США, Европой, ЮВА. Отдельной темой была Индия. Готовясь к ней, я обнаружил, что неподалеку от моего жилья на станции Коэндзи на территории буддийского храма находится могила одного из героев антибританского сопротивления и движения за независимость Субхаса Чандра Боса. Когда-то заклеянный как коллаборационист в современной Индии, особенно бенгальцами, он почитается наряду с Ганди и Неру.

Памятник Босу на территории храма Рэнкодзи
(Школа Нитирэн) в Козэндзи. Снимок автора

В рамках практических лекций со студентами посещал храмы буддийские и синтоистские, в том числе храм Ясукуни и Музей «Юсюкан» на его территории. Предлагал студентам самим определить, насколько деформирована милитаристской пропагандой представленная в ней история.

Со студентами у храма Ясукуни

Особенно запоминались студентам посещения православного храма Вознесения (Николай-до) в районе Отяномидзу. У меня были хорошие отношения с русскими служителями храма. Последний из них – отец Герасим. Замечательный, отзывчивый, он принимал нас прямо в храме, проводя прямо к алтарю, рассказывал моим студентам об истории православия в Японии.

Студенты и отец Герасим на ступеньках Собора Воскресения Христова в Токио

Бывал со студентами и в католическом храме – Кафедральном соборе Пресвятой Девы Марии. Шедевр Тангэ поражает простотой изогнутых бетонных сводов и торжественностью пространства, наполненного светом и воздухом. Храм выполнен в виде креста и вступающего в его пределы встречает на полу огромный световой крест излучаемый через высокие витражи.

Внутри Кафедрального собора Пресвятой Девы Марии в Токио

В составе японских делегаций ездил на Тайвань и в Южную Корею. Одна поездка в Сеул запомнилась встречей с премьер-министром Корейской Республики. Это был 1999 г. Президентом впервые после многих годов борьбы с авторитарными военными режимами стал один из лидеров демократической оппозиции Ким Дэ Чжун. Тот, которого в августе 1973 г. южнокорейская разведка среди бела дня похитила из токийского отеля и увезла в Сеул. При диктаторе Пак Чон Хи премьер-министром в тот период был Ким Джон Пхиль. Сейчас, спустя 25 лет, в том же качестве он принимал нас в своей официальной резиденции. Ким Дэ Чжун не только его простил, но даже назначил премьер-министром. Эта политическая толерантность была поразительной.

В резиденции главы южнокорейского правительства Ким Джон Пхилья

Было много поездок по Японии. Встречался с людьми, имевшими отношения с недавней и прошлой историей. Дочь Тодзё Хидэки, повешенного по решению Токийского трибунала, рассказывала об отце. Дэви Сукарно, японка Нэмото Наоко, в 1962 г. вышедшая замуж за индонезийского президента Сукарно и вошедшая в его гарем, убеждала, что это ЦРУ устроило события, в результате которых её супруг был отстранён от власти и все кончилось истреблением миллионов людей.

Дэви Сукарно на одном из приемов в Токио

В 2000 г. с друзьями и коллегами по университету в Яманаси летел на Окинаву. С правого борта самолета появилась Фудзи. Её красота была поразительной.

Вид Фудзи с правого борта самолёта по пути на Окинаву

В Наха (столица преф. Окинава) меня попросили выступить с лекцией о Николае Невском, замечательном лингвисте и филологе, авторе исследований по языку острова Мияко. Не моя область, но я подготовился и не без труда «вошёл в тему». Теперь уже как «специалист» по Невскому из Наха я полетел на остров Мияко, в чуть менее 300 км к юго-западу. Здесь, зная о Невском, местное население принимало нас как родных. На приёме, устроенном мэром столицы острова – Хирара (сейчас все мелкие городки объединены и столица стала называться «Мияко»), я рассказывал ему о Петербурге. Речь зашла о Невском проспекте. Пришлось объяснять, что это от названия реки, и тут как-то естественно на ум пришла идея предложить мэру назвать одну из улиц именем Невского, первого из европейцев изучившим диалект острова Мияко: «У вас будет свой Невский проспект». Фраза, сказанная полушутя, мэру пришлась по душе. Мы стали поддерживать тесный контакт. Туристами жители острова приезжали в Петербург, и в его пригороде мы навещали общую могилу расстрелянных в годы сталинского террора, жертвой которого стал учёный и его жена-японка. Трогательно выглядело импровизированное пение и танцы острова Мияко на площади у могил. «Невскому-сэнсэю, наверное, было приятно услышать слова и напевы народа Мияко, где он провел так много времени», – объясняли они. Спустя два года в марте 2002 г. с дочерью Невского Еленой Николаевной, правнучкой Яной (спустя несколько лет её и младшую сестру Женю мой университет в Яманаси пригласил на учёбу в течение двух лет, взяв на себя проезд и выплачивая стипендию) и директором Ленинградского отделения Института востоковедения Евгением Ивановичем Кычановым, принимал участие в открытии «улицы Невского», который венчал обелиск в благодарность от жителей Мияко.

Вместе с дочерью Невского Еленой Николаевной
у обелиска Невскому на Мияко

С Невским связана и моя поездка через десять лет на Тайвань в горы к аборигенам. В 2012 г. я полгода преподавал в Тайваньском Политическом университете. Зная меня по старым добрым временам проф. Осацкого университета г-жа Икута предложила вместе совершить путешествие в горы Алишань к племени цоу, чтобы повидаться с потомками того, кто летом далекого 1927 г. в течение месяца принимал Невского, вводя его в тонкости языка своего племени. В тот период этот район был небезопасным и для японцев. Из 4 с четвертью миллионов населения острова «дикарей», как называли аборигенов, было около 140 тысяч. По статистике, с 1910 по 1927 г. от их рук погибло около 7 тыс. японцев и местных жителей китайского происхождения.

Чтобы «цивилизовать» коренное население, японцы делали то, что китайцы, владевшие издавна островом, не делали никогда. Как в этом маленьком селении строили школы, прививали основы современного образа жизни тем, кто слыл тогда «людоедами». «Мои предки людей не ели, они охотились за головами, а черепа вешали на изгородь», – говорил нам г-н Гао, сын того, кто общался с Невским, и показывал на это место. Вместе с сестрой он напевал русские песни и говорил о том, что нежное чувство к России им передалось от отца, которого научил его русский друг. Ирония была в том, что старшего Гао постигла та же судьба, что и Невского. Но это было уже после войны: его расстреляли власти при режиме Чан Кайши.

Брат и сестра Гао из племени цоу в горах Алишань

Гао-старший держит речь, слева на стуле невестка Чан Кайши, жена его сына Фаина Ипатьевна Вахрева (Цзян Фанлян)

В 2004 г. исполнилось сто лет с начала русско-японской войны. Столетие – это хороший повод вернуться к прошлому. В этот год и на следующий мы провели две международные конференции. Первая, в Петербурге, собрала учёных в Центральном Морском музее на стрелке Васильевского. На следующий день – в кают-компаниях самой «Авроры». Здесь, на корабле-музее, состоялась встреча правнуков двух адмиралов – Зиновия Рожественского и Того Хэйхатиро. С правнучкой Того по линии его старшего сына Хосака Мунэко я познакомился ещё в Токио, когда вместе с коллегами готовил мероприятие. С её мужем и ею мы подружились. В Питере через журналистов стало известно о правнуке русского адмирала – Зиновии Дмитриевиче Спечинском. От него я получил бесценные документы – 33 письма, написанных адмиралом во время похода к Цусиме. С их помощью родилась книга, изданная вначале на японском, а в 2010 г. на русском: «Путь к Цусиме» (Издательство «Аврора»).

В Никольском соборе Петербурга правнучка адмирала Того молится о памяти русских моряков с крейсера «Петропавловск»

Через год мы с Зиновием летали из Фукуока на Цусиму. Маленький аэродром на острове отказал в посадке из-за погоды. Самолёт вернулся в аэропорт. Пришлось плыть на пароме всю ночь. Помню черную воду за бортом как раз в том месте, где гибли корабли. Это было ровно через 101 год в ночь 27-го на 28-е мая 2006 г. На следующий год – снова приглашение. Мы отправились в Сасэбо, где в военном госпитале после ранения лежал русский адмирал. Здесь состоялась встреча с другим правнуком адмирала, но уже по линии второго сына японского адмирала. Зовут его Того Хиросигэ, он офицер военно-морских сил Японии.

На прогулке по Сасэбо с правнуками Рождественского и Того

В 2010 г. я приехал в Москву и стал руководителем Центра стран Северо-Восточной Азии в Дипакадемии.

Вместе с ректором Дипломатической Академии
Александром Пановым в моём кабинете

Уютный и просторный кабинет на втором этаже, куда вела витая лестница с большой статуей какой-то богини с лампой в руках в комплексе зданий в Большом Козловском переулке – вспоминаются как сон. И как сон, всё длилось недолго – грянули перемены и сон растаял как дым.

Но теперь не сон, а явь – я, уже 75-летний, снова в Центре японских исследований РАН среди своих старых и новых друзей. Круг замкнулся.

Задавали вопросы: *Е.Л. Катасонова, Ю.Д. Денисов*

Поступила в редакцию 07.12.2017

Интервьюируемый:

Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Patina of my Memory

Interview with Konstantin O. SARKISOV

Received 07.12.2017

Respondent:

Sarkisov Konstantin O., PhD, Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisovko@yahoo.com